

Читайте в серии:

Оксана Даровская

«Москва. Квартирная симфония»

Ирина Лейк

«История Аптекаря, райских птиц и бронзовой головы слона»

Алекс Тарн

«Четыре овцы у ручья»

Екатерина Златорунская

«Осенняя охота»

Яков Шехтер

«Водолаз Его Величества»

Анна Бабина

«Презумпция вины»

Гоар Маркосян-Каспер

«Пенелопа»

**Гоар
Маркосян-Каспер**

ТЕНЕЛОТА

АЗБУКА
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
М26

Оформление обложки:

Студия графического дизайна FOLD & SPINE

Издание подготовлено при участии

Литературного агентства «Флоберיום»

Маркосян-Каспер, Гоар

М26 Пенелопа : роман / Гоар Маркосян-Каспер. — М. :
Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 416 с. — (Имена.
Российская проза).

ISBN 978-5-389-26414-4

Что мы знаем о Пенелопе? Верная жена Одиссея, которая в ожидании его возвращения на Итаку ткала бесконечный саван для свекра и отказывала многочисленным женихам, добивавшимся ее руки.

Пенелопа Гоар Маркосян-Каспер живет не на солнечной Итаке, а в зимнем Ереване 90-х годов, где электричество — роскошь, а горячая ванна — мечта, и надо изрядно постараться, чтобы эта мечта осуществилась. Женихов у Пенелопы не так много, как у античной тезки, зато ее сердце пытается завоевать одноклассник, рассекающий по городу на «мерседесе». И конечно, есть у нее и Одиссей — Армен, врач, уехавший на войну.

«Пенелопу разбудил солнечный луч». Так начинается этот остроумный, искрометный, полный словесной игры роман об одном дне, который нам предстоит прожить с героиней, странствуя из одного ереванского дома в другой и наслаждаясь тем теплом, которое разлито по этим страницам.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-26414-4

© Г. Маркосян-Каспер, наследники, 2024

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024

Издательство Азбука®

Глава первая

Пенелопу разбудил солнечный луч, зеленовато-золотистый и теплый, как дыни, наваленные пахучей горой на исколотом каблучками августовском асфальте. Она осторожно дотронулась до луча пальцем. На податливой, чуть шершавой поверхности осталась вмятина, и это означало, что луч Пенелопе приснился. Он мог и не присниться, поскольку утро в самом деле было солнечным, и в то же время не мог не присниться, потому что вот уже две недели, покинув свою похолодавшую сверх меры комнатушку, по сути, переименованную в таковую веранду с большими окнами и маленьким радиатором (какой теперь радиатор, о Пенелопа!), она спала в гостиной, куда солнце не дотягивалось, но зато просачивалась из кухни некая толика тепла. Впрочем, и той было явно недостаточно, почему и, проснувшись невеселым солнечным утром какого-то там декабря одна тысяча девятьсот девяносто четвер... лучше, пожалуй, сказать, безрадостным солнечным утром, это

эффектнее, неожиданно и хлестко, настоящая синекдоха — синекдоха, почти синектура, *sine cura*, без забот, в сущности, то же, что *ponchalance*... итак, проснувшись, Пенелопа выставила из-под одеяла озябший носик. Смотри, как изящно может звучать грубый предмет вроде немалой величины и не самых тонких очертаний армянского носа... кстати, и не синекдоха вовсе, а что-то другое, дай бог памяти, зубрили же в институте эти дурацкие стилистические фигуры, кажется, антитеза, или оксиморон, или еще какая-нибудь белиберда. Ладно, пошли дальше! Пенелопа проснулась, выставила... это уже было!.. высунула руку и повлекла к себе с холодной, как арктические льды, стеклянной столешницы коротконового, устойчивого, как крепенький носорог (хотя температура вне пододеяльного пространства вызвала ассоциации скорее с мамонтами, но у мамонтов ноги длиннее), журнального столика томик Джойса. Какой к черту томик, толстенный том, к тому же до отказа заполненный напечатанной самым что ни на есть меленьким шрифтом бредятиной, возведенной снобами в ранг интеллектуальной библии. Да еще с бесконечными комментариями, просвещающими до изнеможения относительно вещей, совершенно неинтересных, но будьте уверены, если вас действительно заинтригует какая-то деталь, комментариев на ее счет, как пить дать, не окажется. И все это приходится читать. Не признаваться же в приличном обществе, что ты не читал/читала (ненужное вычеркнуть) Джойса! Впрочем, на самом деле его не

Пенелопа

читал никто, во всяком случае, целиком, ибо это просто за пределами вероятного, и, если кто-то утверждает, что одолел сие, с позволения сказать, литературное произведение, такого человека можно смело назвать лжецом. Правда, никакие утверждения, ни за, ни против, проверке не поддаются, поскольку еще не родился тот, кто способен на связный пересказ хоть одного эпизода этого текста, сплошной клоаки, как выразился Уэллс. Конечно, и Уэллс понаписал... взять, например, «Блэпингтона Блэпского» — ну и имечко, Блэпингтон Блэпский, то ли дело, Эжен де Растиньяк или Жюльен Сорель... Эдмон Дантес, наконец, да, я люблю Дюма и, черт побери, не собираюсь стыдиться этого...

Пенелопа томно уронила Джойса на постель, втянула руку под одеяло и погрузила замерзшие пальцы в теплую пещерку между собственным животом и подтянутыми к нему вплотную коленями.

— Пенелопа, — тихо позвала мать за спиной свернувшейся калачиком, неподвижной дочери. — Пенелопа!

О это дурацкое имя! Длинное и неудобное, как капроновый чулок. Чулки в эпоху колготок, штаны в эру бикини. Вот именно, штаны. Пан-та-ло-ны. Пе-не-ло-па. Даже сократить невозможно, не называться же Пеней или Лопой. Почти пень или лопата. Нет уж, лучше длинно и занудно. П-е-н-е-л-о-п-а.

— Пенелопа, — снова позвала мать. — Ты спишь?

Голос ее звучал робко, наверняка сейчас опять о чем-нибудь попросит. Покараулить свет, например. Как будто папа не может поставить на плитку кастрюлю с картошкой. Картошка в мундире, чего проще. Так нет, надо вовлечь в трудовую деятельность весь околоток, эта женщина просто не способна спокойно лицезреть кого-либо, гуляющего на свободе, будь она той киплинговской дамой, никакая кошка у нее не болталась бы сама по себе, а работала, как лошадь.

— Пенелопа, — сказала мать в третий, если не четвертый раз.

Пенелопа со вздохом перекрутилась в постели лицом к двери.

— Ну чего тебе? — спросила она строго, изучая материнский облик.

Боже, как эта женщин одета! Кошмар. Под благородный ангорский свитер поддела заношенную или заеденную молью до дыр и заштопанную на самом видном месте водолазку мерзкого болотного цвета. А юбка! Бордовая с черным, широкая, в складку, собралась под длинным свитером, как бочонок. Ох уж эти родители! Вроде взрослые люди, а все равно нужен глаз да глаз. Неусыпный надзор и неустанное руководство.

— Измерь мне, пожалуйста, давление, — попросила мать чуть заискивающе.

— Ты собираешься выйти на улицу в таком виде? — осведомилась Пенелопа, вложив в голос максимум неодобрения, смешанного с сарказмом.

Мать промолчала.

— А почему давление? Болит где-нибудь?

— Затылок. Несильно.

— Я же тебе миллион раз объясняла! Это шейный остеохондроз. Ну нет у тебя давления, нет, сколько мы тебе мерили...

Мать молчала, и Пенелопе стало жаль ее. Бойтся. Ведь в таком же возрасте от инсульта взяла да и умерла ее мать. Бедная бабушка Пенелопа. Совсем еще не старая, подвижная и добродушная. Наградила, правда, внучку нелепым именем, но это не ее вина, имя-то и ей привалило ни с того ни с сего, впрочем, как раз и с того-с сего, от бабушки, самой настоящей гречанки. Так что и в нас — Пенелопа быстро подсчитала — четверть от четверти, одна шестнадцатая греческой крови. Пенелопа, жена Одиссея. Бессонница, Гомер, тугие паруса, я список кораблей прочел до середины... Интересно, а как назывался корабль Одиссея? Я же читала. Итака. Это остров, а корабль? На чем ездил с Итаки в Трою и обратно хитроумный Лаэртид? Лаэртид разве? Странно, на Шекспира смахивает... Ну в третий раз, Лаэрт. Боюсь, вы неженкой считаете меня... А где наш Гамлет, близкий сердцу сын?.. Коня, полцарства за коня!.. Но только не троянского, тогда уж лучше сесть на корабль да по виноцветному морю... Интересно, что это за море такое? А вернее, что это за вино, ведь скорее вино может быть цвета моря, нежели море цвета вина. Неужели греки пили синее вино? Или зеленое? Вино из чернослива. Или тархуна. Эстрагоновый напиток, не правда ли, экстравагантно? Экстенсивное виноделие, море вина, зеленого, как море. Наверняка

какая-нибудь кислятина. Кис-кис-лятина. Был когда-то ирис «Кис-кис», вку-у-усный...

— Хочу «Кис-кис», — сказала Пенелопа, с вожделением облизывая сухие губы.

— Как? — удивилась мать.

— Ирис «Кис-кис». Помнишь, был такой?

— Не помню.

О господи!

— Посмотри на эту женщину, Левончик! — обратилась Пенелопа к большешлапому, с пышной рыжей гривой игрушечному льву, восседавшему на груди сложенных в кресло диванных подушек. — Она не помнит, что такое «Кис-кис».

— Чтоб Левон сдох! — привычно возмутилась мать. — Не смей называть нашего Мишеньку этим именем!

— Во-первых, это лев, — лениво возразила Пенелопа. — Вот это — лев, — уточнила она, указывая носом, ибо все прочее было надежно укутано, на плюшевого зверя, которого сама же, видимо, из духа противоречия, окрестила Мишей. — Во-вторых, Левон твой президент. Сама выбирала.

— Чтоб он провалился, — заупрямилась мать.

— Пускай проваливается, — легко согласилась Пенелопа. — Мне что? Я за него не голосовала. Это ты и тебе подобные посадили его в президентское кресло.

— Я?! Я никого никуда не сажала, — решительно отмежевалась мать.

— Ага. Таково постсоветское понимание демократии, — сообщила Пенелопа внимательно

Пенелопа

слушавшему эту перепалку льву. — А давление я тебе измерю, так и быть. Вот только встану.

— Я через пять минут выхожу.

— О боже мой! Встаю, встаю... — Пенелопа застонала, закатила глаза, потом скосила их на мать и деловито добавила: — Немедленно переоденься. Сними эти лохмотья. Видно же в вырезе! И юбку поменяй. Надень серую.

Мать скорбно покрутила пальцем у виска и удалилась. Пенелопа выдохнула, проверяя, нет ли пара изо рта, подобралась для рывка, потом снова расслабилась, решила сосчитать до десяти. Лучше б, конечно, до ста или тысячи. Хотя и это не годится, бесконечное оттягивание испытания тоже выматывает. Как на экзамене. Ладно, раз, два, три, четыре, пять, шесть...

Пенелопа пела. «Дольче Аи-ида (дальше она по-итальянски не знала, только первые два слова — два? Ха-ха!), в солнца сия-а-нии нильской доли-и-ны чудны-ый цветок», — напевала она. Пенелопа любила попеть, но распевала она исключительно мужские арии из опер по преимуществу итальянских. Плюс Хозе и Герман. Не то чтоб она когда-либо мечтала спеть на оперной сцене Радамеса или Каварадосси, вовсе нет. Хотя, откровенно говоря, в ранней юности она грешила грезами подобного рода, мысленно рисуя себе толпы млеющих, стонущих, ревущих от восторга зрителей, потоки, вихри, лавины цветов, сыплющихся на просцениум словно с неба, а на деле из верхних лож, как это проделывают ловкие

клакеры из Большого, и среди цветов себя, гибкую и изящную, с тончайшей талией, утопающую в водопаде пышных, длиннющих волос, звончайшее меццо-сопрано мира, Амнерис и Кармен, каких еще не видел обалделый белый свет. Вполне естественные мечты для дочери оперного певца. Однако не вышло, меццо-сопрано оказалось не звончайшим в мире, да и вообще не меццо, а просто сопрано, а Пенелопа с детства презирала бесхарактерную дуру Аиду, не говоря уже о несуразной Микаэле, наконец, даже волосы ей не удавалось в должной степени отрастить, так что оперные арии она пела только дома и единственно мужские, оглашая квартиру то звуками романса Хозе, то второй арией Каварадосси, благо слуха у нее было достаточно, чтобы придать своим вокализмам узнаваемость, периодически нарушаемую, правда, недостатком голосовых данных. Но если вокальные возможности или, скорее, невозможности невыгодно отличали ее от оперных знаменитостей, в ее актив несомненно следовало занести богатство мимики и редкостную подвижность в ходе исполнения. Ибо Пенелопа не только пела, но и непрерывно перемещалась, убирая постель и наводя в комнате относительный порядок. Профессиональная певица перед тем, как взять первую ноту, установила б себя для пения в некую вынужденную позу с выпяченной грудной клеткой и намертво упертыми в пол ногами, Пенелопа же сновала по помещению, сгибалась и разгибалась, складывала простыни и одеяла, хаотично передвигала мешавшую ее

действиям подушку в разные стороны, перетаскивала, наконец, кресла и «носорога» на их дневные места и при этом еще меланхолично прикидывала, не пора ли внедриться в родительскую спальню, куда она уже проникла прошлой зимой, благополучно захватив треть двуспального ложа родителей и оттеснив мать в объятия отца. Мимоходом она кинула взгляд на стенные часы — не время ли? График по свету на этой неделе был утренний, с одиннадцати, пару дней назад, кажется, перешли на часовый, так что можно ожидать к двенадцати, если дадут на час, ну а коли повезет и продержат два, то включают раньше. Часы показывали ровно половину одиннадцатого, они имели скверную коммунистическую привычку вечно забегать вперед, но заводили их только позавчера, и оставалась надежда, что очень уж далеко им убежать не удалось. Подумав, Пенелопа нажала на выключатель — пропустишь, чего доброго, вождеденный миг, окна-то закрыты наглухо, и на обычные источники оповещения полагаться не приходится, даже подстанцию можно не расслышать. Подстанция, построенная лет пятнадцать назад посреди не слишком большого их двора, гудела своими чинеными-перечинеными трансформаторами, как целый заводской цех... заводы, впрочем, Пенелопа видела только по телевизору, но представляла их довольно отчетливо — как нечто вроде подстанции с трансформаторами, наспех перемотанными, но не залитыми трансформаторным маслом за отсутствием такового. Впоследствии масло в городе,

по слухам, появилось, но в трансформаторы его так и не залили, утверждали, что в работающий нельзя, вот когда перегорит в следующий раз... Поскольку предыдущий был весной и с каждым днем отодвигался все дальше в прошлое, следующий, следовательно, был все ближе. Следующий поэтому, по неумолимой логике причин и следствий, последовательно подступал, нависая дамкловым мечом над кварталом, домом и лично Пенелопой, над ее неистребимым пристрастием к неустанной и непрерывной гигиене. А ну-ка, ну-ка? Пенелопа прислушалась, забыв о задействованном выключателе. Нет, показалось. Детские крики во дворе имели, очевидно, причины иного свойства, это не был боевой клич «све-е-ет!», сотрясавший стены и фундаменты в момент, когда — всегда неожиданно — подстанция оживала, своим жужжащим басом, как заводской гудок, созывая домохозяек на героический труд.

— Вот так-то, Миша-Лева, — приговаривала Пенелопа, водружая льва Мишу на его обычное место в правом углу дивана. — Счастливчик ты. Ни умываться тебе не надо, ни купаться. Ни чай пить. Везет же некоторым.

Лев молчаливо соглашался.

Пенелопа отнесла постельные принадлежности в спальню родителей, сложила в ногах материнской половины кровати и прикрыла одеялом — к себе в комнату она заглядывала редко, за одеждой или косметикой, ранее из этого Дантова ада не вынесенной, в основном-то ее юбки и свитера давно уже были развешаны в несколь-

ко слоев по спинкам стульев в гостиной (или, скорее, столовой, а вернее, гостиностоловой — и то, незачем советскому человеку барские хоромы, баловство какое, на черта ему лишнее помещение, не портвейн же после обеда смаковать), а всяческая парфюмерия расставлена на крышке пианино в художественном беспорядке. Ноншалантно.

«Надо быть ноншалантной, — думала Пенелопа, запуская руки в нечесанные волосы и пытаясь взбить их попышнее, — женщине это идет. Чрезмерная серьезность портит женщину, делая ее похожей на старую деву. Или на феминистку».

— В сущности, господа, — обратилась она к воображаемым господам во фраках и цилиндрах, — феминисток следовало бы называть маскулинистками, ведь истинная их цель — уничтожение в женщине ее женского начала, превращение ее в некое мужеподобное существо. Да-да, по сути дела, они настоящие женоненавистницы, в противном случае, они добивались бы признания женственности самостоятельной ценностью вместо того, чтобы отрицать ее. — Между господами во фраках появились дамы в шляпах и турнюрах, которые воодушевленно заплодировали Пенелопе, что еще более усилило ее пыл. — Вы только поглядите на них, — воскликнула она, обвиняюще простерев руку к скамье подсудимых, где, широко расставив ноги, упершись в пол кирзовыми сапожищами, дымя сигарами и роняя пепел куда попало, сидели в ряд квадратные бабы со стрижками под мальчика. — Вместо того, чтобы

ходить, покачивая бедрами, на высоких каблуках, они топают по-солдатски в каких-то калошах, вместо того, чтобы требовать от мужчин галантности в обхождении и восторженности помыслов, они сурово взыскивают с тех несчастных, которые по невинности своей еще отличают женские округлости от закругленности бревна... А не выпить ли нам чаю? — перебила она себя, внезапно наскучив общественной деятельностью и предоставив феминисток их нелепой судьбе. Вообще-то было самое время выпить чашечку чаю, вернее, бокал, ибо Пенелопа, наделенная редкой способностью к уничтожению посуды, перебила все чайные чашки в доме, кроме отцовской, а также стаканы, пощадив лишь материнский, а скорее, пренебрегая им, граненым и толстостенным, и теперь пила чай из бокала для шампанского. Так как же? Конечно, разжигать керосинку тоже не бог весть какая радость... Впрочем, можно и не пить, никто ведь не заставляет, свобода...

Тут вспыхнул свет, избавив тем самым Пенелопу от подчинения осознанной необходимости, и она ринулась на кухню, нет, в ванную, нет, на кухню, нет...

— Папа, — завопила Пенелопа, раздраемая между двумя степенями свободы, — папа, включи кипятильник! Или чайник, — добавила она непоследовательно и энергично уточнила: — Лучше чайник, кипятильником я займусь сама. — И помчалась в ванную заполнять кастрюли.

Ура, ура! Конечно, купаться с утра не так приятно, как перед сном, но тут уже, милые мои, не

поломаешься, тут надо брать, что дают. Да и все равно, теплая вода есть теплая вода. Божественная влага! И божество, и вдохновение, и жизнь, и слезы, и любовь... Чертов Пушкин, вечно он лезет из всяких дыр. Само собой, если в школе, потом в институте перманентно проходишь его, его и его и зубришь, зубришь наизусть, потом уже хоть головой об стену бейся, лукавого арапа (как любят позлословить армяне, «о какой русской культуре может идти речь: Пушкин — негр, Лермонтов — шотландец, Мандельштам — еврей, Чехов наверняка чех»... а Чайковский, хочется добавить, по всей видимости, чайка?) из нее не выколотишь, во всяком случае, целиком, какие-то разрозненные строчки неизбежно останутся и будут вываливаться к месту и не к месту. Так, кипятильник включен. Пенелопа вгляделась в воду, идут ли пузыри? Идут, милые. Полчаса и... Она даже застонала от предвкушаемого наслаждения. Ладно, что можно сделать еще?

Пенелопа отправилась на кухню. Чайник уже стоял на плитке, на второй — кастрюля с картошкой, не совсем чисто вымытой, Пенелопа поглядела, подумала, не перемыть ли, но воспоминание о ледяной ереванской воде пресекло ее слабое поползновение, да и лень было, по чести говоря. Лучше взглянуть, нет ли чего по ящичку. Почему по? По ящичкам только тараканы бегают да муравьи ползают — это если в ящичке что-то сладенькое, например, изюм. Или из-зюмительный фильм... А есть днем ящик-то? Телепрограммы, естественно, не было и в помине, получали они

теперь одну-единственную газету, самую дешевую, правительственную, да и ту почтальон, работавший через пень-колоду — в одном месте, видимо, через пень, в другом через колоду, в третьем вообще неизвестно как, отец защищал его от Пенелопиных нападок, аргументируя тем, что у человека семья, надо кормить детей, ну и вкалывает бедолага тут и там, — так вот работяга-почтальон приносил газеты оптом, раз в несколько дней, штук эдак по пять. Субботний номер с программой он принести пока не удосужился, хоть сегодня и... А что за день сегодня? Пенелопа погрузилась в вычисления. Позавчера или позапозавчера (кажется, так!) они с Маргушей ходили на вернисаж, это была суббота, не то воскресенье. Видимо, воскресенье, в субботу на вернисаже народу больше. Значит, нынче уже среда, в крайнем случае вторник. Ну знаете! Экое бесстыдство! Ладно, поищем. По «Останкино» наверняка дают «Дикую Марию, или Просто розу», чего еще от них можно ожидать, а по «России»? Пенелопа включила телевизор и поставила «Россию», предчувствуя неизбежную встречу с «Санта-Барбарой», серией эдак тысяча семьсот одиннадцатой. Экран засветился, но изображения не появилось, наверно, днем все-таки трансляции нет. Пенелопа разочарованно протянула руку к выключателю, и тут телевизор погас сам. А заодно и свет. Не сразу измерив всю глубину случившегося несчастья, Пенелопа ринулась в коридор, где за стеклянной дверцей с указующей надписью «Счетчик» жили своей таинственной жизнью пробки,

Пенелопа

возможно, не выдержавшие непосильной нагрузки, легшей на их хрупкие плечики. То есть головки. Или тела? Пробка передохранительная, как некогда писали на этикетках в ереванских магазинах. Пенелопа рассеянно пыталась улыбнуться, но, когда она открыла дверцу, чувство юмора покинуло ее незамедлительно и безвозвратно. На всякий случай она проверила на ощупь, но небрежно, предощущая уже, что дело не в пробках. Потом наведальась в ванную, опустила пальчик в кастрюлю, предварительно все же вытянув из нее кипятильник. Вода была чуть тепловатой и для купания решительно непригодной. Тогда Пенелопа накинула пальто и вылезла на балкон. К подстанции сбегался потревоженный народ — авангард составляли немногие оказавшиеся в этот час дома мужчины из соседних зданий, второй волной подкатывала любопытная детвора, а кое-где из подъездов начинали выползать и женщины. Кто-то уже успел позвонить в аварийную службу, и теперь обездоленные жители переминались с ноги на ногу у розового куба с железными дверями в ожидании... ну не Годо, не Годо. Но, может быть, еще хуже...

Пенелопа вернулась в комнату, скинула пальто и села рядом со львом Мишей, счастливчиком, не нуждающимся в мытье, бритье, питье и других подобных мелочах. Или благах жизни, это как смотреть на вещи.

«Так, — думала Пенелопа, стараясь не утратить хладнокровия и не впасть в панику, каковая поднималась в ней и подкатывала удушающей

волной к горлу при первой тени мысли (а есть и вторая, о Пенелопе?.. ну если мысль вообще способна отбрасывать тень, почему бы этим теням не быть множественными?), что, возможно, сегодня придется лечь — о ужас, ужас! — не помывшись. — Будем исходить из худшего. А именно... типун тебе на шустрый твой язычок, Пенелопа! И все-таки! Все-таки если это он? — зажмурившись, она произнесла про себя страшное слово. — Трансформатор. Транс-фор-ма-тор. Да-да. Если свершилось? Где мы будем сегодня мыться? И завтра. И послезавтра. Надо составить график. Расписание. Обзвонить всех знакомых. А пока выпьем чаю. Доварим чайник на керосинке, он уже почти горячий и...»

Аварийщики приехали, когда Пенелопа допивала вторую чашку, в смысле второй бокал, дочитывая третью главу в очередном романе Рекса Стаута — план по Джойсу на сегодня она считала выполненным, что давало ей право на получение при чтении некоторого удовольствия. Не прошло и получаса, как уныло плетущаяся на свой четвертый этаж соседка, перехваченная прислушивавшейся к каждому звуку Пенелопой, подтвердила самые мрачные ее предположения, и Пенелопа, захлопнув Стаута, с угрюмой решимостью села к телефону.

Начать, безусловно, следовало с подруг. А потом плавно перейти на родственников. Или наоборот? Конечно, с подругами общаться приятнее. Правда, они все живут дальше, чем некоторые из

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Гоар Маркосян-Каспер

ПЕНЕЛОПА

Ответственный редактор Ю. Раутборт
Технический редактор Л. Сеницына
Корректоры В. Алексина, С. Луконина
Компьютерная верстка Е. Алексеевой

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.08.2024.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Spectral».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 2000 экз. Т-РР1-35398-01-Р. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, к. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы
«Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,
12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сайкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

